

СЕРИЯ: СОЧИНСКИЙ ЦУАР

КОГОТКИ

РОМАН ТОЛМАЧЕВ

18+

Сочинский нуар

Роман Толмачев

Коготки

«Автор»

2026

Толмачев Р. С.

Коготки / Р. С. Толмачев — «Автор», 2026 — (Сочинский нуар)

Штормовой ночью к Илье Русанову приходит женщина, которую весь город считает убийцей. Пять дней назад в Хосте нашли обезображенное тело её мужа — теневого финансиста Виктора Краева. Сейф пуст, цифровые архивы исчезли, жена сбежала. Теперь за Дианой охотятся все: бывшие люди мужа, конкуренты из порта, продажные силовики. А у Ильи, бывшего извлекателя, который давно зарёкся кого-либо спасать, остаётся только два варианта: выгнать её за дверь или снова войти в огонь. Он выбирает второе. Но чем дольше Илья рядом с Дианой, тем сильнее его к ней тянет. И тем страшнее становится. Потому что улики против неё множатся. Потому что рядом с ней уже слишком много мёртвых. Потому что она умеет бить точно и не дрогнув. И потому, что он уже однажды доверился не той женщине — и едва не заплатил за это жизнью. «Коготки» — это нуарный роман-бестселлер о побеге, предательстве и страсти, которая рождается там, где никто не должен был выжить.

© Толмачев Р. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Босиком по стеклу	6
Глава 1. Бродяга	9
Глава 2. Кеды от Тамары	14
Глава 3. Мышеловка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роман Толмачев

Коготки

Говорят, хищника выдают глаза.

Врут.

*Настоящего хищника выдаёт то,
как тихо он умеет ждать,
пока ты сам откроешь клетку*

Пролог. Босиком по стеклу

Каблук сломался на третьем квартале.

Диана оступилась, лодыжка вывернулась, и тонкий стержень хрустнул, как куриная кость. Она выругалась сквозь зубы, сбросила туфли и побежала босиком. Мокрый асфальт резал ступни мелким щебнем и осколками битого стекла.

Сочи ночью пах иначе, чем днём. Днём — магнолии, кофе, прогретый камень. Ночью — гниющие водоросли, бензин и страх. Её собственный страх. Он шёл из пор, смешиваясь с потом и дождевой водой, стекая по шее под ворот лёгкого платья.

Пять дней. Пять дней назад она сидела в кабинете Виктора и пила вино из бокала, который он ей налил. А он улыбался. Той самой улыбкой, от которой у неё по спине ползли ледяные мурашки.

«Скоро все узнают, что меня больше нет, Диана. А ты станешь самой разыскиваемой женщиной на юге России.»

Она свернула в переулок между жилыми домами. Тусклый фонарь бросал жёлтое пятно на мокрую стену. Из темноты за мусорными баками несло кислотой и мочой.

Шаги.

Она не обернулась. Обернуться — значит потерять секунду. Секунда — это расстояние, которое нельзя вернуть.

Но шаги были не те. Не тяжёлые, чёткие, армейские — как у людей Артура. Эти были расхлябанные, вразвалку. И их было трое.

— Эй, красавица! Куда босиком?

Голос был молодой, хриплый, с ленивой наглостью. Так разговаривают, когда уверены, что жертва не укусит.

Диана ускорила шаг. Мокрые волосы хлестали по лицу. Сумка билась о бедро. Впереди переулок упирался в глухую стену. Тупик.

Она остановилась. Развернулась.

Трое. Спортивные штаны, кроссовки, кепки. Мальчишки, старшему — лет двадцать пять. Тот, что шёл первым, скалился, блестя золотой фиксой. В руке тускло поблёскивала бутылка пива.

— Потерялась? А мы поможем. Сумочку вон тяжёлую несёшь, надорвёшься.

Она прижала сумку к животу. Внутри сумки — всё, что у неё осталось от жизни. Паспорта. Флешка с данными, за которые половина города готова перерезать ей горло. И ампула с цианидом — на тот случай, если перережут не сразу. Деньги — восемьсот тысяч наличными — были спрятаны надёжнее: в тонком нейлоновом поясе под платьем, прижатом к рёбрам.

Второй, коренастый, с бритым затылком, шагнул вправо, отрезая путь к выходу из переулка. Третий, самый молодой, нервно хихикнул и достал из кармана складной нож.

— Сумку давай, и пойдёшь, — Фикса протянул руку. — По-хорошему.

Диана стояла неподвижно. Дождь стекал по скулам — высоким, резким, из тех, что делают лицо то ли аристократическим, то ли хищным в зависимости от освещения. Босые ноги на битом стекле. Оторванный каблук валялся где-то за углом. Платье облепило тело мокрой второй кожей, обрисовывая каждое ребро. Слишком худая для женщины с такой осанкой.

Она выглядела как жертва. Мокрая, загнанная, босая женщина в тупике.

Но внутри неё щёлкнул переключатель.

Два года она готовилась. Два года смотрела видео на телефоне, запершись в ванной, пока Виктор ужинал с партнёрами внизу. Удар ладонью в нос. Локоть в солнечное сплетение. Колено в пах. Олег показал ей три приёма и сказал: «Запомни — ты бьёшь первой. Всегда первой. Если ждёшь, ты уже проиграла.»

Фикса шагнул ближе. Его пальцы почти коснулись ремешка сумки.

Диана ударила.

Не красиво. Не элегантно. Коротко и грязно, как учил Олег. Основанием ладони — снизу вверх, в переносицу. Затем удар кулаком, попытавшись попасть в челюсть, но не попала. Удар пришёлся по зубам, и Диана разбила себе костяшки на кулаке. Голова Фиксы дёрнулась назад, бутылка вылетела из руки и разбилась о стену. Он схватился за лицо, кровь хлынула между пальцев.

Бритый кинулся на неё. Диана отступила к стене, пропуская его мимо, и ударила локтём в затылок. Не сильно — ей не хватало массы. Но достаточно, чтобы он впечатался лицом в кирпичную кладку.

Третий, с ножом, замер на месте. Его рука с раскрытым лезвием тряслась. Он не ожидал сопротивления и на мокрую не подписывался.

Диана посмотрела на него. Серо-зелёные глаза, мокрые от дождя, не мигали.

Пацан попятился, споткнулся о ноги Бритого и сел в лужу.

Она не стала ждать, пока они придут в себя. Перепрыгнула через Фиксу, катавшегося по мокрому асфальту с разбитым носом, и побежала.

Костяшки правой руки горели. Кожа содрана до мяса, кровь смешивалась с дождевой водой. Ступни тоже кровоточили — стекло сделало своё дело.

Она бежала по набережной, мимо закрытых кафе и опрокинутых пластиковых стульев. Море ревело справа, невидимое в темноте, только белые полосы пены мелькали между чёрных волн. Ветер швырял в лицо солёные брызги.

В кармане куртки хрустела записка. Адрес и одно слово: «Перевозчик». Но до лодочной станции на другом конце побережья было не меньше пятнадцати километров. Идти напрямик пешком, босиком, по просматриваемому со всех сторон пространству ночного города, где её ищут люди Артура — это было самоубийством.

Она свернула с набережной в густые заросли старого парка у заброшенного санатория Орджоникидзе. Бетонные ступени поросли мхом, амфоры фонтанов растрескались. Она пробралась в глубину парка, где под обвалившейся крышей старой летней эстрады образовалась сухая, пыльная ниша.

Диана забилась в самый угол, подтянув колени к подбородку. Сумку прижала к животу. Холод колотил её крупной дрожью.

Она не планировала спать. Но истощение последних пяти суток взяло своё. Темнота навалилась, тяжёлая и душная, стирая мысли.

Диана проснулась от того, что солнце било прямо в глаза сквозь щели в гнилых досках.

День. Неудачное время для беглеца.

Диана осторожно выглянула из укрытия. Внизу, на Курортном проспекте, плотным потоком шли машины. Туристы в ярких шортах фотографировались на фоне пальм. Солнце выжигало остатки ночного дождя.

Выйти сейчас, босой, в разорванном грязном платье — значит привлечь внимание первого же патруля. Или, что хуже, первого же осведомителя Артура, которых в городе были десятки: от таксистов до продавцов чурчелы.

Она вернулась в угол. Жажда сушила горло. Время тянулось густой смолой. Диана постаралась привести себя в порядок. Для волос нашла в сумке расчёску, а платье аккуратно перекрутила на поясе, чтобы складками скрыть порванные места.

Каждый шорох в кустах заставлял её вздрагивать и судорожно сжимать ремешок сумки. Она сидела, глядя на свои сбитые в кровь ступни, и ждала. Ждала, когда прохожих станет поменьше и можно будет продолжить свой путь короткими перебежками.

Диана шла задворками, вдоль железнодорожных путей, перелезая через заборы лодочных кооперативов. Камни резали едва начавшие заживать за день раны на ногах, но она не останавливалась.

Олег передал ей эту записку две недели назад. За день до того, как его машину нашли сожжённой на свалке за Адлером. Тела в ней не было. Но Виктор сказал: «Уволился». И улыбнулся той самой улыбкой.

Олег не стал бы сжигать свою машину перед увольнением. Он предупреждал Диану: «Если всё пойдёт к чёрту — иди к Илье. Он вытаскивает людей. Это его работа.»

Всё пошло к чёрту пять дней назад. И сейчас, босая, окровавленная, с флешкой, за которую охотится половина города, она бежала к единственному человеку, который мог ей помочь.

Если он ещё жив. Если он ещё здесь. Если он согласится.

Глава 1. Бродяга

Тот же день. Утро.

Солнце в Сочи в сентябре ещё кусается. Оно выжигает тени из-под навесов, плавит асфальт на набережных и оставляет на губах привкус соли и перегретого бетона. Над лодочной станцией оно висело особенно низко, раскаляя жестяную крышу ангара до состояния сковородки.

Илья проснулся от того, что левое бедро прошла знакомая тянущая боль. Он не открывал глаз ещё несколько минут, слушая, как волны лениво лижут сваи причала.

Этот звук должен был успокаивать, но для него он давно стал фоном, за которым скрывалась пустота.

Он сел на краю узкой койки. В каморке при ангаре пахло старой смазкой, морской солью и пылью. Единственное окно, засиженное мухами, пропускало мутный свет.

В треснутом зеркале над раковиной отражался мужчина, которого он сам с трудом узнавал. Тёмные, почти чёрные глаза с сеткой ранних морщин в уголках — не от возраста, от привычки шуриться на воду и прицеливаться. Короткий ёжик волос, побитый сединой на висках. В сорок рановато, но Стамбул добавил ему лет десять за одну ночь. Скулы обтянуты кожей, щетина трёхдневная. Под левой бровью — старый белёсый шрам, память о драке в порту Измира, ещё до того, как всё полетело к чёрту. Руки — единственное, что осталось прежним: широкие ладони, короткие ногти, въевшееся масло в трещинках кожи. Руки работяги. Или того, кто умеет ломать людей голыми руками. Смотри кого спрашивать.

Илья растёр колено ладонью. Шрам на бедре, багровый и неровный, за три года так и не стал своим. В сырую погоду или перед штормом он напоминал о себе с методичностью метронома.

На верстаке, служившем и обеденным столом, стояла початая пачка ибупрофена. Илья выдавил две таблетки, бросил в рот и запил вчерашним холодным чаем. Вкус был горьким, жестяным.

Нужно было вставать. «Бродяга» ждал.

Катер стоял у третьей сваи, накренившись на правый борт. Краска на рубке облупилась, обнажив серую, изъеденную солью древесину. Моторный отсек был вскрыт, обнажая стальные внутренности. Илья опустил на колени, шипя от боли в суставе, и взял разводной ключ. Инструмент был тяжёлым, привычным.

Ему нравилось возиться с железом. Оно не умело врать. Если гайка не идёт, значит, ты плохо стараешься или резьба сорвана. Всё честно. С людьми было сложнее.

Серёга мечтал о таком катере. Маленьком, с открытой рубкой, чтобы выходить на рассвете в открытое море и ловить ставриду. Он рассказывал об этом в Стамбуле, за ночь до того, как всё кончилось. За ночь до того, как женщина, которой они оба доверяли, продала их маршрут за тридцать тысяч евро.

Илья перебирал мотор Бродяги третий раз. Не потому что не мог собрать. Потому что, пока мотор разобран, не нужно решать, куда плыть.

Он положил ключ. Потёр переносицу. Мысли всё-таки не молчали.

К полудню жара стала липкой. Рубашка прилипла к спине, пальцы были перепачканы в отработке. Илья вытер руки ветошью и посмотрел на набережную. Там, за ржавой сеткой забора, текла другая жизнь. Туристы в пёстрых шортах, крики продавцов кукурузы, музыка из кафе. Белоснежные яхты покачивались на фоне тёмно-синего моря, за ними поднимался хребет Ахун, окутанный дымкой. Кипарисы на аллее стояли неподвижно, как часовые.

Для туристов Сочи был праздником. Для Ильи — затянувшейся передышкой в зале ожидания.

Он запер ангар и пошёл в сторону ресторанчика Тамары. Нога сегодня слушалась плохо, ступня едва заметно подворачивалась внутрь. Приходилось концентрироваться на каждом шаге, чтобы не хромать слишком явно.

Ресторан прятался в тени дикого винограда. Восемь столиков, веранда с видом на море, увитая виноградом терраса. Внутри пахло хачапури и крепким кофе. На стене среди выцветших фотографий и старых афиш висела рамка с пожелтевшей газетной вырезкой. «Тамара Чхидзе — голос, который заставлял плакать камни». Двадцать лет назад. Другая жизнь. Тамара тоже пряталась, только делала это изящнее — за хачапури и ворчанием.

Тамара Георгиевна вышла навстречу, вытирая руки о передник. Невысокая, полноватая, с копной седых волос, собранных в высокий узел. Она посмотрела на его бледное лицо, на тёмные круги под глазами, и поджала губы.

— Садись, — сказала она тоном, не терпящим возражений.

Илья опустился на плетёный стул.

— Просто кофе, Тамара.

— Кофе ты и сам сварить. Тебе нужно мясо. Ты прозрачный стал, как медуза на солнце.

— Медуза — это комплимент? Раньше ты сравнивала меня с бездомной собакой.

— Бездомная собака хотя бы жрёт, когда кормят. А ты — нет.

Она ушла на кухню, и вскоре на столе появилась медная турка и тарелка с горячим хачапури. Сыр внутри пузырился, испуская густой, сливочный аромат.

Илья взял чашку. Кофе был обжигающим, с привкусом кардамона.

— Тот парень, который к тебе приходил весной... как его... Марков, — Тамара присела напротив, сложив руки на груди. Её тёмные, почти чёрные глаза смотрели с той цепкой пронизательностью, которая осталась от десятилетий на оперной сцене, где фальшь слышна за километр. — Звонил?

Илья замер. Кофе обжёт нёбо.

— Нет. Две недели молчит.

— Две недели, — Тамара покачала головой. — Он ведь обещал заехать. Хороший парень был. Вежливый. Хачапури хвалил. Делами какими-то серьёзными был занят. А ты только себя жалеешь.

— Тамара, ты всех оцениваешь по тому, как они хвалят твою стряпню. И оставь меня в покое.

— А как ещё оценивать людей? Человек, который врёт про хачапури, соврёт про всё остальное. — Она помолчала, поправила седую прядь, выбившуюся из узла. — А про тебя и не надейся, не оставляю. Покой — это на кладбище, Илюша. А ты прячешься. Это разные вещи. Ты как тот катер твой — мотор ты перебрал, а в море выйти боишься.

— Я не боюсь. Я просто не хочу.

— У меня кот тоже не хотел на улицу. Пока не увидел кошку.

Илья хмыкнул. Он выложил на скатерть мятую купюру. Тамара не прикоснулась к деньгам.

— К вечеру шторм будет, — сказала она, глядя куда-то поверх его плеча. — Море цвет меняет. Привяжи Бродягу покрепче, а то унесёт твой покой к чертям собачьим.

Илья поднялся. Таблетки начали действовать, боль сменилась ватным онемением.

— Спасибо за обед.

— Ты забыл деньги.

— Это не забыл, это оставил.

— Я с тебя денег не просила, Илюша.

— А я тебе не кот, Тамара.

Он вернулся на станцию, когда солнце повисло над горами, окрашивая хребет Ахун в густой абрикосовый цвет. Море из лазурного стало свинцовым, тяжёлым. Чайки орали, прижимаясь к берегу. Ветер принёс запах дождя. Тамара была права. Шторм шёл с юга.

Илья закрыл ворота на тяжёлый засов. В ангаре было тихо, только капли воды монотонно падали из прохудившейся трубы. Кап. Кап. Кап.

Он включил лампочку над верстаком. Она качнулась, и тени на стенах заплясали. Илья снова взял деталь. Тряпка, масло, ровные движения. Час за часом. В этом ритме была его защита. Пока руки заняты, мысли молчат.

Начался дождь. Мгновенно тишина сменилась шумным гулом тропического ливня.

Илья не ждал гостей. Он никого не ждал уже три года, с того самого дня в Стамбуле, когда мир разлетелся на куски под огнём засады.

Когда в воротах скрипнула створка, Илья даже не поднял головы. Решил, что ветер. Но створка не захлопнулась. Холодный сквозняк мазнул по затылку, принес с собой запах мокрой, испачканной ткани и крови.

Илья медленно положил ветошь на верстак. Рука сама скользнула к карману куртки, где лежал нож.

— Мне сказали, вы можете помочь.

Голос был тихим, но в пустом ангаре он прозвучал как щелчок предохранителя. Илья закрыл глаза на секунду, выдыхая. Сердце сделало лишний толчок.

Илья обернулся.

Она стояла на границе света и тени. Мокрое шёлковое платье облепило тело, как вторая кожа, обрисовывая её туловище, каждую впадинку. Слишком худая для женщины с такими скулами. Скулы были высокие, резкие — в тусклом свете ангарной лампочки они отбрасывали тень на впалые щёки. Тёмные волосы прядями прилипли к бледной коже. Серо-зелёные глаза, огромные на бледном лице, смотрели прямо на него. В них не было мольбы. Был холодный, цепкий расчёт загнанного зверя, который оценивает последний шанс.

Босые ступни были в крови и чёрной грязи. Костяшки правой руки содраны до мяса.

Красивая. Эта мысль пришла и ушла, как вспышка далёкого маяка. Красивая, грязная, окровавленная и, судя по всему, смертельно опасная.

Илья смотрел на неё, и старый шрам на бедре внезапно обожгло холодом. Три года назад он уже стоял вот так — лицом к лицу с красивой женщиной, которая просила о помощи. Та женщина улыбалась теплее. Та женщина плакала убедительнее. И за ту женщину Серёга заплатил цинковым гробом, а Илья — пулей в бедро и тремя годами на дне.

С такими женщинами не приходят хорошие новости. С такими женщинами приходит беда, упакованная в красивую обёртку.

— Вы ошиблись адресом, — сказал он. Голос был сухим, отстранённым. — Здесь не бюро добрых услуг.

За стенами ангара дождь лил как из ведра.

— Марков сказал... — она запнулась, сильнее прижимая к животу чёрную сумку, — вы единственный, кто не задаёт вопросов, если заплатить достаточно.

Имя ударило Илью под дых. Марков. Олег Марков. Парень, который приходил к нему на станцию весной с розовым заказом на вывоз какого-то должника. Тамара ещё хвалила его за то, что он ел хачапури с правильным выражением лица. Две недели назад Марков перестал отвечать на звонки.

— Марков пропал, — голос Ильи стал жёстким. — Две недели назад. Его машину нашли сожжённой на свалке за Адлером. Тела не было. Так что если вы от него — вы опоздали.

Она не вздрогнула. Только подбородок едва заметно качнулся.

— Я знаю, — прошептала она. — Поэтому я здесь.

Снаружи, за шумом начавшегося ливня, послышался звук мотора.

Илья погасил свет. Темнота схлопнулась мгновенно, оставив только запах мокрого шёлка, крови и страха.

— Они уже здесь, — её голос коснулся его уха.

Он почувствовал её присутствие совсем рядом. Тепло её кожи, сбитое дыхание. Пальцы, вцепившиеся в его предплечье, подрагивали, пробивая ткань куртки.

Илья медленно достал нож. Щелчок лезвия потонул в раскате грома.

— Молчи, — приказал он.

Снаружи хлопнула дверь машины. Тяжёлый, уверенный звук. Затем — хруст гальки под подошвами. Двое. Может, трое.

Илья перехватил нож. Холодная сталь привычно легла в ладонь. Он осторожно потянул женщину за собой, вглубь ангара, где за штабелем досок прятался проход к задней двери. Его нога отозвалась тупой, грызущей болью на каждом шаге. Он старался ставить ступню на внешнее ребро, чтобы не скрипеть половицами.

Луч фонаря разрезал темноту. Тонкий, яркий клинок света мазнул по верстаку, выхватил из тени разобранный мотор Бродяги, и отразился в луже на полу.

Диана прижалась спиной к его груди. Илья слышал, как её сердце колотится о его рёбра — быстро, как пойманная птица. Он накрыл её рот ладонью. Ладонь была шершавой, пахла металлом и маслом. Её губы оказались ледяными.

— Где она? — голос снаружи был низким, спокойным. Такими голосами отдают приказы о списании долгов.

— Видели, как она шла по набережной в эту сторону. Значит, здесь, — ответил второй. Голос сухой, резкий.

Створка ворот скрипнула. Свет фонаря заплескал по стенам, длинные тени ломались на балках перекрытия. Илья замер за грудой старого брезента. В нос ударил запах прели и пыли.

Один из вошедших остановился в трёх метрах от них. Илья видел только силуэт в дверном проёме — массивный, в кожаной куртке. В руке у него было что-то короткое и чёрное. Не фонарь.

— Ищи, — бросил тот, что стоял у входа.

Илья почувствовал, как Диана медленно опускает руку в свою сумку. Движение было плавным, почти профессиональным. Никакой паники, только сухой расчёт.

Он прижал её сильнее, давая понять: не сейчас.

Человек в кожаной куртке сделал шаг к штабелю досок. Луч фонаря медленно полз по брезенту. Илья сжал рукоять ножа так, что костяшки побелели. Нога онемела, но он не смел переступить.

В этот момент за стенами ангара гроыхнуло так, что задрожали стёкла в рамах. Ливень обрушился на жестяную крышу с новой силой, заглушая все звуки внутри.

Илья не суетился. Три года без тренировок, но тело помнило. Мышечная память морпеха — это не навык, это прошивка. Он использовал темноту и тесноту ангара: шагнул за ступень, пропуская луч фонаря мимо себя, и ударил сбоку. Локоть — в горло. Коротко, точно, как вбивают гвоздь. Мужчина хрипнул, выронил фонарь. Тот покатился по полу, бешено вращаясь.

Левая нога тут же напомнила о себе — сустав прострелило болью, и Илья качнулся, теряя равновесие. Он ухватился за верстак, удерживаясь на ногах. Темнота была его союзником. Противник не видел, что он хромает.

Второй, у ворот, вскинул оружие. Вспышка выстрела на секунду ослепила. Пуля с визгом срикошетила от стального стапеля.

Илья толкнул Диану к полу.

— Уползай! — рявкнул он.

Он подхватил с пола тяжёлую чугунную деталь мотора и швырнул её в сторону вспышки. Попал или нет — неважно, главное — выиграть секунду.

Диана не поползла. Она присела, схватила с верстака монтировку. Когда боевик в кожаной куртке попытался подняться, она ударила. Чётко, коротко, в коленную чашечку. Илья услышал сухой хруст кости. Мужчина взвыл, заваливаясь на бок.

Илья подумал: «У этой кошечки есть когти».

— В машину! — Илья схватил её за руку.

Они выскочили через заднюю дверь в ревущую стену воды. Дождь мгновенно вымочил их до нитки, смывая кровь и пыль. УАЗ стоял под навесом, серая туша в сумерках.

Илья рванул дверь, заталкивая Диану на пассажирское сиденье. Ключ в замке зажигания провернулся со второй попытки. Стартер завыл, мотор чихнул и, наконец, выдал натужный рокот.

За спиной, в дверях ангара, появился второй преследователь. Он стрелял вслепую, ориентируясь на шум мотора. Пуля ударила в заднюю стойку, осыпав салон крошевом стекла.

Илья вдавил педаль газа. УАЗ прыгнул вперёд, разбрасывая грязь и гравий. Ворота станции остались позади, в зеркале заднего вида мелькнули и погасли огни чужой машины.

Глава 2. Кеды от Тамары

Они выскочили на дорогу. Дворники бешено метались по стеклу, едва справляясь с потоками воды. Илья переключил передачу. Рука на рычаге заметно дрожала.

Илья не поехал по Курортному проспекту. На магистрали через каждые триста метров висели камеры ГИБДД, а номера его УАЗа наверняка уже были в ориентировке у людей Артура, если не у полиции. Он свернул в первый же дворовый проезд, петляя между девятиэтажками и гаражными кооперативами. Старые дублёры, просёлочные дороги, заросшие тропинки — три года жизни в Сочи научили его видеть город, которого нет на навигаторах.

Он бросил быстрый взгляд на спутницу. Диана сидела прямо, вцепившись в свою сумку. Лицо было белым, как мел, серо-зелёные глаза казались огромными провалами на этом бледном фоне. На щеке темнел порез, тонкая струйка крови стекала к подбородку. Она не плакала. Она вообще не издавала ни звука.

— Кто это был? — Илья не узнал свой голос. Горло саднило, как после ожога.

Диана медленно повернула голову. Она посмотрела на свои сбитые в кровь костяшки.

— Моё прошлое, — ответила она. Голос был ровным, лишённым всяких эмоций. — Оно не любит, когда его покидают без разрешения.

Илья посмотрел на спидометр. Стрелка дрожала на отметке девяносто. Старый УАЗ протестующе дребезжал, но шёл вперёд.

— Куда мы едем? — спросила она через минуту.

Илья промолчал. Он и сам не знал ответа. Его жизнь, выстроенная по линейке за три года, только что превратилась в груду металлолома там, в ангаре.

— К Тамаре, — наконец выдавил он, глядя на её окровавленные босые ступни. — Сначала к Тамаре. Тебе нужна обувь, а мне — телефон и пять минут тишины, чтобы понять, из-за какого именно дерьма разнесли мою станцию.

Он резко выкрутил руль, сворачивая в узкий, тёмный переулок, ведущий к заднему двору ресторана.

Дождь колотил по брезентовой крыше веранды «У Тамары», как пулёмётная очередь. Ресторан был уже закрыт из-за ливня, внутри горел только дежурный свет над барной стойкой. Илья постучал в заднюю дверь — три коротких, два длинных. Старый условный стук.

Дверь приоткрылась, звякнула цепочка. Тамара Георгиевна выглянула в щель, держа в руке тяжёлый кухонный нож для рубки мяса. Увидев Илью, она выдохнула, нож опустился.

— Ты с ума сошёл, Русанов? — прошипела она, снимая цепочку. — В такую погоду в гости шастать?

Илья втокнул Диану внутрь и шагнул следом, мгновенно заперев дверь.

— Тамара, не ворчи. У нас минут пятнадцать. Твоя дочь оставила какие-то вещи у тебя, если я правильно помню. Мне нужны её старые кроссовки, балетки — что угодно. И аптечка.

Тамара включила свет на кухне. Её взгляд, цепкий и оценивающий, мгновенно просканировал Диану: порванное мокрое платье, кровь на лице, босые изрезанные ноги, крепко прижатая к животу сумка.

Грузинка не стала задавать лишних вопросов. В Сочи вопросы часто стоят дороже ответов. Она молча ушла в подсобку и через минуту вернулась с парой старых, но крепких кед и полотенцем.

— Вот. Дочка оставила, когда в Москву уезжала. Ещё послужат, — она бросила кеды Диане. — Аптечка на полке, Илюша.

Диана поймала кеды. Она опустилась на табурет и начала соскребать с ног грязь и кровь влажным полотенцем. Её движения были точными, хладнокровными. Никакого женского жеманства, никакого нытья о боли.

Илья достал из аптечки перекись и бинт. Бросил ей на колени.

— Марков, значит, — произнёс он, опираясь о край металлического стола. — Олег Марков. Парень, который пришёл ко мне весной.

Диана замерла, не донеся вату до разбитой ступни. Она подняла глаза.

Тамара, стоявшая у плиты, тоже обернулась.

— Олег? Тот мальчик, что хвалил хачапури? — она нахмурилась. — Он её прислал?

— Он, Тамара, — мрачно подтвердил Илья. Он смотрел на Диану в упор. — Рассказывай. Кто ты, зачем Марков дал тебе мой адрес, и чьи парни только что пытались проделать во мне лишние дырки?

Диана выпрямила спину. Вздохнула.

— Олег был моим телохранителем, — её голос был тихим, но в гулкой тишине кухни каждое слово падало, как камень. — Он единственный в том доме относился ко мне по-человечески. Две недели назад он дал мне записку с вашим адресом. Сказал, что если всё пойдёт к чёрту, вы сможете меня вывезти. На следующий день он исчез. Его машину нашли сожжённой.

Илья скрипнул зубами.

— Тело?

— Тела не было. Виктор сказал, что он уволился.

— Кто такой Виктор? — вмешалась Тамара, протирая чистый стол тряпкой, словно пытаясь стереть напряжение.

Диана перевела взгляд на неё.

— Виктор Краев. Мой муж.

Тамара остановилась. Тряпка выпала из её рук. Илья знал, кто такой Краев. Теневой финансист, держатель общака, человек, чьё имя в городе произносили шёпотом.

— Краев? — Илья шагнул к ней. — Ты жена Краева?

— Вдова, — поправила она ледяным тоном. — Пять дней назад в Хосте нашли изуродованный труп. Колени раздроблены, пуля в затылке. Это был Виктор. В ту же ночь я забрала из его сейфа архив и сбежала.

Илья почувствовал, как по спине пробежал мороз. Пять дней назад. Изуродованный труп. Раздробленные колени.

Как она ударила того боевика в ангаре? Чётко, коротко, в коленную чашечку.

Паранойя, спавшая три года, проснулась и впилась в мозг.

— Архив? — переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Флешка, — Диана кивнула на свою сумку. — Там вся империя. Чёрная бухгалтерия, имена чиновников, откаты. Кто кого заказал. Сейчас за мной охотится Артур — ищейка моего мужа. Он хочет вернуть контроль. И за мной охотятся Портовые.

Тамара ахнула.

— Портовые? Девочка, ты с ума сошла! Порт — это контрабанда и беспредел. Они Краева ненавидели. Если они доберутся до этой флешки, в городе начнётся резня.

— Поэтому я должна исчезнуть, — Диана закончила бинтовать ногу и начала надевать кеды. — У меня есть деньги.

Она задрала подол мокрого платья. Илья инстинктивно отвёл взгляд, но успел заметить широкий нейлоновый пояс, плотно облегающий её живот. Она расстегнула молнию, достала пачку пятидесятитысячных купюр и бросила на стол.

— Здесь восемьсот тысяч. Это всё, что я смогла накопить на вилле за два года. Снимала с хозяйственного счёта мелкими суммами. Этого хватит, чтобы заплатить за укрытие, транспорт и коридор. Мне нужен выход в Абхазию.

Илья посмотрел на деньги, потом на неё.

— Забери пока, — хрипло сказал он. — Мне нужны ответы. И мне нужно выжить. А с деньгами мы разберёмся потом, если доживём до утра.

Он повернулся к Тамаре.

— Спасибо, Тома. Мы уходим. Если кто спросит — ты ничего не видела, никого не знаешь.

Тамара подошла к Илье и передала ему одежду дочери, чтобы Диана могла переодеться. Старая грузинка посмотрела в лицо молодой женщины. Долго, изучающе.

— У тебя глаза мёртвые, девочка, — тихо сказала Тамара. — Но ты не врешь. Ты прячешься. Разницу я вижу.

Она повернулась к Илье.

— Илюша. Езжай к Грише. Если кто и может вас спрятать, так это он.

Илья кивнул.

— К Грише.

Он толкнул заднюю дверь, выходя в дождь. Диана пошла следом. В чужих кедах, с окровавленными костяшками пальцев и сумкой, в которой лежала информационная бомба, способная разорвать этот город на куски.

Илья завёл УАЗ. Дворники со скрипом смахивали воду со стекла. Он не знал, везёт он жертву или преступницу, но знал, что с этой минуты пути назад нет.

Диана не спросила, кто такой Гриша. Ей было всё равно. Она просто хотела выжить. И в этот момент Илья впервые почувствовал не только раздражение, но и укол чего-то похожего на жалость. Эта женщина, холодная, расчётливая, с монтировкой в руках и именем мертвеца на губах, была загнана в угол. И он был её единственным выходом.

Дорога к дому Гриши вилась по склону ущелья, узкая и разбитая. Фары выхватывали из мглы отвесные скалы и густые заросли самшита. Илья гнал УАЗ на пределе возможностей старого мотора, стараясь не думать о том, что каждая кочка отзывалась вспышкой боли в бедре.

Дворники скрипели по стеклу. Дождь перешёл в мелкую морось.

Диана не сводила глаз с дороги. Её руки всё так же судорожно сжимали ремешок сумки, побелевшие костяшки выделялись на фоне темноватой кожи. Илья видел, как она напрягается на каждом повороте, ожидая удара или засады.

— Долго ещё? — её голос прозвучал сухо, без единой ноты страха.

— Полчаса, — Илья сбросил скорость перед слепым поворотом. — Если мост через реку не смыло.

Он украдкой посмотрел на неё. Профиль, чётко очерченный светом приборной панели, казался высеченным из мрамора. Ни одной лишней эмоции, ни одного вздоха. В ангаре она действовала чётко, расчётливо. Илья вспомнил, как она ударила боевика. Не истерично, не в панике — прицельно.

Это не вязалось с образом испуганной вдовы.

— Откуда ты знаешь, как бить? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

Диана медленно повернула к нему лицо. В её глазах отразились зелёные огоньки спидометра.

— Я училась, — ответила она коротко.

— Чему? Как ломать коленные чашечки?

Она отвернулась к окну.

— Как выживать, — бросила она в стекло. — Когда живёшь с человеком, который может сломать тебе пальцы просто потому, что у него плохое настроение, быстро учишься.

Слова упали между ними, тяжёлые и холодные, как камни. Илья почувствовал, как мышцы шеи напряглись. Он знал о Краеве достаточно, чтобы понимать: слухи о его методах не были преувеличением. Но слышать это от женщины, которая делила с ним постель...

— И ты терпела? Пять лет? — Илья не хотел спрашивать, но слова сорвались с языка быстрее, чем он успел их остановить.

Диана посмотрела на него. В её взгляде не было ни вызова, ни оправдания. Только глухая, беспросветная усталость.

— А куда мне было идти? К полиции, которая ужинала с ним каждую пятницу? К родителям в Подмоскovie, к которым он прислал бы своих людей через день?

Она замолчала. Илья понял, что наступил на минное поле.

УАЗ выскочил на узкий бетонный мост. Внизу, в темноте, ревела горная река, вздущаяся от ливня. Илья переключил передачу, и машина медленно поползла по скользким плитам.

Впереди, за густыми деревьями, показался тусклый свет. Дом Гриши стоял на отшибе, окружённый высоким забором. Это было идеальное укрытие — далеко от города, скрыто от посторонних глаз.

Илья остановил УАЗ у железных ворот и трижды посигналил фарами.

Тишина. Только шум дождя по крыше.

Он достал из-под сиденья пистолет, проверил магазин и сунул его за пояс.

— Сиди здесь. И не вздумай выходить, — бросил он Диане.

Она кивнула. Её лицо было всё таким же непроницаемым.

Илья вышел из машины. Нога взорвалась болью, заставив его скрипнуть зубами. Он подошёл к воротам и постучал.

За забором слышались тяжёлые шаги. Лязгнул засов, и в проёме появился Гриша. Крупный, лысый, в выцветшей футболке и с помповым ружьём в руке.

— Какого чёрта, Илюха? — Гриша опустил ружьё, но его лицо выражало крайнюю степень недовольства. — Тамара звонила. Она напугана. Говорит, что ты сам всё расскажешь, если сможешь добраться до меня живым.

— Извини, старик. Мне нужно укрытие. На пару дней.

Гриша посмотрел на УАЗ, потом на Илью. Его взгляд скользнул по кровавому пятну на джинсах.

— Что случилось? Опять вляпался?

— Типа того.

Гриша вздохнул, потирая лысину.

— Заезжай. Но если за тобой хвост, я тебя сам пристрелю.

Илья вернулся в машину. Диана сидела неподвижно. Он завёл мотор и въехал во двор.

Когда они вошли в дом, Гриша уже ставил чайник на плиту. Он бросил быстрый взгляд на Диану, задержался на одежде не её размера и ссадине на щеке. Его глаза сузились. Бывший опер привык сканировать людей за секунды.

— Чай, кофе, или что покрепче? — спросил Гриша, обращаясь к Илье.

— Покрепче. И аптечку.

Гриша кивнул и скрылся в соседней комнате. Диана осталась стоять посреди кухни, словно не знала, что делать с руками. Илья опустился на стул, вытянув больную ногу.

— Садись, — он кивнул на стул напротив. — Он не кусается. Если не злить.

Она села на самый краешек, не выпуская сумку. Гриша вернулся с бутылкой коньяка и старой автомобильной аптечкой. Он налил Илье полстакана, молча подвинул бинты и перекился.

— Кто она? — спросил Гриша, кивнув на Диану.

Илья выпил коньяк залпом. Жидкость обожгла горло, но боль в ноге стала чуть тише.

— Вдова Краева.

Гриша замер. Бутылка в его руке дрогнула. Он медленно повернулся к Диане, и его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Краева? — переспросил он. — Виктора Краева?

— Да, — Илья начал разматывать бинт. — И у неё в сумке то, из-за чего половина города теперь будет стоять на ушах.

Гриша с шумом выдохнул.

— Ты рехнулся, Русанов. Ты просто рехнулся. Ты притащил ко мне «чёрную вдову».

Слова Гриши повисли в густом воздухе кухни. Илья перестал разматывать бинт. Запах перекиси смешался с ароматом дешёвого коньяка и старой заварки.

— Что ты сказал? — голос Ильи был тихим, ровным. Таким он говорил, когда просчитывал дистанцию до цели.

Гриша оперся тяжёлыми руками о стол. Он не смотрел на Илью, его взгляд-рентген был прикован к Диане. Она ответила ему тем же прямым, немигающим взглядом. Ни тени страха. Ни попытки оправдаться.

— Ты три года сидел в своей конуре, Русанов. Ты отстал от жизни, — Гриша усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — В Сочи её знают не как скорбящую вдову. Её знают как бабу, вокруг которой громоздятся трупы.

Диана медленно моргнула. Пальцы, сжимавшие сумку, чуть дрогнули.

Илья молчал. Боль в бедре отступила на задний план, уступив место холодному, сосущему чувству в животе. Тому самому, которое он испытал три года назад в Стамбуле, когда понял, что маршрут слит.

— Три человека за несколько лет, Илья, — Гриша начал загибать пальцы, похожие на сардельки. — Партнёр Краева, Мирзоев — утонул. Бухгалтер Семёнов — авария. Телохранитель Марков — пропал без вести. Все трое были в её ближнем круге. И все трое отправились на тот свет при крайне подозрительных обстоятельствах.

Гриша выдержал паузу, позволив информации впитаться.

— Полиция дела замяла. У Краева были связи. Но в оперативных кругах всё знают.

— А почему ты сказал, что она — «чёрная вдова»? — Илья пристально смотрел на замолчавшего Гришу и ждал ответа.

— Илья, все в городе уверены, что своего мужа, Виктора Краева, жестоко пытала, а затем казнила его собственная жена — Диана Краева. Она одна была рядом с телом Виктора на месте преступления.

— Это не доказательство того, что она его убила... — начал говорить Илья, но запнулся.

— Принцип Оккама, Илья, — произнёс Гриша в качестве последнего аргумента. — Не нужно усложнять решение задачи. Самая очевидная гипотеза и является верной.

— Этот принцип звучит иначе, — парировал Илья и тут же выбесил Гришу.

— Да при чём тут этот принцип вообще? Она — «чёрная вдова». Она причастна к гибели нескольких людей. А ты упёрся и просто не хочешь верить фактам. Наверняка, как последний фраер, повёлся на мокрое платье и сказку про злого мужа.

Илья перевёл взгляд на Диану. Она сидела идеально прямо. Лицо — фарфоровая маска.

— Это правда? — спросил Илья.

— Что именно? — её голос прозвучал так же холодно, как звон льда в бокале. — Что эти люди мертвы? Да. Что их смерть была подозрительной? Да.

— Что ты к этому причастна, — Илья подался вперёд, забыв про рану.

Диана чуть наклонила голову. В её глазах не было ни вины, ни раскаяния.

— Я была там. Я видела. Но убивала не я.

Гриша громко хмыкнул, хлопнув ладонью по столу.

— Конечно, не ты! Удобная позиция. Муж-монстр, а ты — белая и пушистая. Только вот почему-то выжила только ты, а они — нет.

Он повернулся к Илье.

— Выгони её. Сейчас же. Дай ей машину, дай денег, если хочешь поиграть в благотворительность, но вышвырни её за порог. Иначе завтра мы с тобой будем кормить рыб в порту.

Илья посмотрел на Диану. Она не умоляла. Не пыталась выдавить слезу. Она просто ждала приговора, готовая принять его с тем же ледяным спокойствием, с каким была боевика мантировкой.

«Я не работаю с вдовами, вокруг которых громоздятся трупы» — пронеслось в голове Ильи. Его собственные мысли, его железные правила. Три года он жил по ним, спасая свою изломанную шкуру.

Но потом он вспомнил её глаза в ангаре. Взгляд человека, которому некуда больше идти. Загнанного в угол зверя, готового драться до конца. И он вспомнил, как её пальцы вцепились в его куртку, когда боевик навёл на них ствол.

— Она останется, — произнёс Илья, отрывая бинт зубами.

Гриша побагровел.

— Ты рехнулся. Марина тебя ничему не научила?!

Имя хлестнуло, как пощёчина. Илья замер. Воздух из лёгких выбило, словно после удара под дых. Он медленно поднял глаза на друга.

— Не произноси это имя, — голос Ильи упал до шёпота, от которого по спине пробежал мороз.

Гриша осёкся. Он знал, что перешёл черту. Тяжело вздохнул, потирая лицо.

— Ладно. Твоя жизнь. Твои похороны. Но я предупредил.

Он развернулся и ушёл в комнату, хлопнув дверью.

Тишина на кухне стала вязкой, давящей. Диана сидела неподвижно, не сводя глаз с Ильи. Он продолжил обрабатывать рану. Перекись шипела, выедавая грязь из пореза на бедре. Илья морщился, но не издавал ни звука.

— Кто такая Марина? — её голос разрезал тишину, тихий, но настойчивый.

Илья не ответил. Он закончил с бинтом, закрепил его пластырем. Поднял глаза на Диану.

— Иди спать. Комната прямо по коридору, вторая дверь налево.

— Вы не ответили.

Илья поднялся, тяжело опираясь на здоровую ногу.

— И не отвечу. У каждого из нас свои трупы в шкафу. Твои мы обсудим завтра. А сейчас — спи.

Диана не стала спорить. Она молча встала, взяла сумку и скрылась в коридоре. Илья остался на кухне один. Он налил себе ещё коньяка, но пить не стал. Просто смотрел на янтарную жидкость в стакане, чувствуя, как внутри разгорается пожар паранойи.

Гриша прав. Она опасна. Она лжёт, недоговаривает, скрывает. Она умеет драться и, возможно, убивать.

Но он не мог её прогнать. Инстинкт самосохранения кричал, бил в набат, но другой инстинкт — тот, что заставил его когда-то пойти в морскую пехоту, а потом вытаскивать людей из ада — был сильнее.

Илья достал из-за пояса пистолет, выщелкнул магазин, проверил патроны. Загнал обратно с сухим щелчком.

Он допьёт свой коньяк, ляжет на диван в гостиной и будет спать вполглаза. Пистолет будет под рукой. Он не доверял ей. Ни на грош не доверял. Но и бросить её на растерзание псам Краева не мог.

Завтра он начнёт задавать вопросы. И ей придётся отвечать. Иначе он сам вышвырнет её за дверь.

Глава 3. Мышеловка

Сон оборвался без перехода. Диана открыла глаза и уставилась в серый потолок с паутиной трещин. Тело оставалось неподвижным. Мышцы свело в тугой, болезненный узел, дыхание замерло на вдохе. Слух выхватывал звуки чужого дома: скрип половицы за стеной, гудение старого холодильника, шум ветра в оконной раме.

Она спала на полу. Скинула матрас с кровати и перетасила его в самый дальний угол, спиной к глухой стене, лицом к двери. Привычка, въевшаяся под кожу за пять лет на вилле Белый мыс.

Диана медленно села. Костяшки пальцев саднило, разбитая кожа стянулась сухой коркой. Колени ныли после падения на бетонный пол ангара. Она дотянулась до куртки, брошенной на край кровати. Пальцы скользнули по внутреннему шву левого рукава. Тонкий металлический контур лезвия прощупывался сквозь ткань.

На тумбочке лежал телефон. Выключенный. Мёртвый пластик.

В коридоре слышались тяжёлые шаги. Запахло дешёвыми сигаретами и жжёным кофе.

Диана поднялась, оправила мягкое, высохшее за ночь платье. Ткань стояла колом от морской соли и грязи. В ванной, тесной и пропахшей хлоркой, она открыла кран. Ледяная вода обожгла лицо, смывая остатки вчерашней косметики и засохшую кровь с царапины на щеке. Из треснутого зеркала на неё смотрела женщина с тёмными провалами под глазами и плотно сжатыми губами.

Она вышла в коридор. Дверь на кухню была приоткрыта.

Илья стоял у плиты, спиной к входу. Левая нога была выпрямлена, он опирался всем весом на правую. В руке зажата турка. Рядом, за застеленным клеёнкой столом, сидел Гриша. Он курил, стряхивая пепел в пустую консервную банку.

— Ты не вывезешь это в одиночку, Русанов. — Голос Гриши был низким, хриплым. — Люди Порга уже нюхают землю. Артур звонил своим, они ищут УАЗ со смятым крылом. Мою берлогу они пока не знают, но это вопрос пары дней.

Илья снял турку с огня. Тёмная густая пена осела.

— Мне нужно окно в Абхазию, — сказал он, разливая кофе по чашкам. — Через горы или по воде. Бродяга не на ходу. Найдёшь лодку?

Гриша затянулся так, что кончик сигареты вспыхнул оранжевым.

— Лодку я найду. А ты найдёшь мозги. Ты везёшь ходячую бомбу. Ты досе её видел? Нет. Ты только слухи знаешь. А я видел бумаги. Три трупа. У всех — остановка сердца или несчастный случай, и она всегда рядом. Она тебя сожрёт и не подавится.

Диана переступила порог кухни. Половица под босой ногой не издала ни звука, но Гриша мгновенно поднял взгляд. Его рука дёрнулась к краю стола, где лежал пистолет.

Илья обернулся медленнее. Глаза красные от недосыпа. На скуле наливался синевой свежий синяк. Он поставил чашку на стол.

— Садись, — кивнул он на свободный табурет.

Диана села, скрестив руки на груди. Платье холодом липло к рёбрам. Гриша затушил сигарету с таким усилием, что банка погнулась. Он встал, сгрёб со стола пистолет и сунул его за пояс джинсов.

— Пойду проверю периметр, — бросил он Илье. — А ты не поворачивайся к ней спиной. Входная дверь с грохотом захлопнулась.

Илья подвинул к ней вторую чашку. Чёрная жидкость дымилась, пахла жжёным сахаром. Диана не прикоснулась к фарфору.

— У вас нет лодки, — сказала она ровно. — У вас пробита машина. Ваш друг готов сдать меня при первой возможности.

Илья достал из кармана блистер ибупрофена. Выдавил три таблетки, бросил в рот, запил горячим кофе. Кадык дёрнулся.

— Мой друг сейчас звонит контрабандистам, договариваясь о коридоре, рискуя своей пенсией и свободой, — Илья сел напротив. — Так что давай без оценки его гостеприимства.

Он смотрел на неё в упор. Взгляд цепкий, изучающий. Так смотрят на неразорвавшийся снаряд.

— Гриша прав в одном, — Илья подался вперёд. Расстояние между ними сократилось до полуметра. — Я иду вслепую. Я не знаю, что у тебя на флешке. Я не знаю, почему твои люди мертвы. И я не знаю, почему ты до сих пор не сбежала, пока я спал в гостиной.

Диана встретила его взгляд. Кожа на скулах натянулась.

— Если я выйду за ворота одна, Артур найдёт меня к вечеру.

— Артур? — Илья прищурился.

Она мысленно прокляла себя за оговорку.

— Человек Виктора. Ищейка. Он шёл по моему следу от самой виллы.

Илья откинулся на спинку стула. Дерево протестующе скрипнуло.

— Рассказывай. Всё.

— Зачем? — Диана сжала пальцы на коленях. — Ваш друг уже всё решил. Три трупа. Чёрная вдова. Вы поверите ему, не мне.

Илья молчал несколько долгих секунд. За окном кричала птица.

— Если бы я верил только ему, тебя бы здесь не было.

В его голосе не было тепла. Только сухая, голая прагматика. Но в этой прагматике было больше надёжности, чем в любых обещаниях, которые она слышала за последние пять лет.

Диана опустила глаза на чашку с кофе. Поверхность напитка слегка дрожала. Она сделала глубокий вдох. Воздух царапнул горло.

— Виктор контролировал всё, — начала она. Голос был тихим, монотонным. — Мою одежду. Мои звонки. Моё расписание. Аслан Мирзоев был его партнёром. Он захотел забрать свою долю и уехать в Испанию. Виктор пригласил его на виллу. Обсудить детали.

Она подняла взгляд на Илью.

— Аслан утонул в бассейне. Виктор сказал полиции, что у партнёра схватило сердце после бани. Я была на втором этаже. Я слышала всплеск. И я видела, как Виктор стоял на краю бассейна и смотрел вниз. Он не звал на помощь. Он просто смотрел.

Илья не перебивал. Его лицо оставалось бесстрастным, но желваки на скулах ходили ходуном.

— Бухгалтер Семёнов, — продолжила Диана, чеканя каждое слово. — Он собирал копии документов для прокуратуры. Я знала об этом. Я пригласила его на ужин, хотела предупредить, что Виктор догадывается. Я не успела. У Игоря отказали тормоза на серпантине через два часа после нашей встречи.

Она замолчала. В кухне стало слишком тихо.

— А третий? — спросил Илья.

— Олег. Мой телохранитель. Он нашёл мне эти паспорта. — Она кивнула на свою сумку. — Он должен был отвезти меня в аэропорт. Виктор узнал. Олег пропал.

Диана выпрямила спину. Холодная фарфоровая маска вернулась на место, скрывая дрожь, бьющуюся где-то под рёбрами.

— Я никого не убивала, Илья. Я просто жила рядом со смертью. Пять лет.

Илья смотрел на неё. В его глазах что-то менялось. Тень подозрения не ушла полностью, но рядом с ней появилось что-то ещё. Что-то тёмное, тяжёлое, похожее на узнавание.

Он медленно протянул руку над столом. Его мозолистые, перепачканные вёвшимся маслом пальцы остановились в миллиметре от её руки.

— У тебя на запястье синяк, — тихо сказал он. — Старый.

Диана резко отдернула руку под стол, пряча её в складках жёсткого платья. Воздух в лёгких закончился.

Илья убрал руку. Встал, опираясь на край стола.

— Пей кофе. Нам нужно уйти отсюда до темноты.

Он повернулся и захромал к выходу из кухни. Диана осталась сидеть перед остывающей чашкой. Впервые за долгое время она не знала, что делать с тем, что кто-то заметил то, что она так тщательно прятала.

Запах мокрой травы и влажной земли просачивался в кухню через приоткрытую форточку. Диана сидела неподвижно, пальцы правой руки рефлексивно поглаживали левое запястье сквозь жёсткую ткань рукава. Старый синяк, давно превратившийся в бледно-жёлтое пятно, горел так, словно Виктор только что разжал пальцы.

Илья заметил. Из всех людей, которых она встречала за последние годы — прислуги, партнёров мужа, полицейских, — только Олег видел синяки. Илья увидел то, что было скрыто, за пару секунд.

«Он сканирует, как хищник. Или как тот, кто привык сам получать удары», — подумала она, делая первый, обжигающий глоток кофе. Горечь осела на языке.

Из гостиной донеслись приглушённые голоса. Илья и Гриша говорили быстро, отрывисто. Диана бесшумно поднялась, взяла чашку и подошла к двери. Прижалась плечом к косяку.

— Я не могу дать тебе лодку, Русанов. Портовские перекрыли выходы. Мои контакты на дне. Артур пустил слух, что баба утащила общак. Никто не хочет связываться с деньгами Краева, даже если он мёртв.

Голос Гриши звучал зло, с хрипотцой. Послышался щелчок зажигалки.

— Мне нужно окно, Гриш. Любое. УАЗ они найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.